

I

Почти до десяти лет его только так и звали. Ему пришлось буквально сражаться, чтобы избавиться от этого имени. «Такой Большой» называли его в детстве, и это ласковое прозвище со временем сократилось до Большущий. И Большущим де Йонгом, несмотря на режущие слух шипящие, он оставался до той самой поры, когда ему, школьнику, жившему в голландском районе на юго-западе Чикаго (сначала этот район назывался Новой Голландией, а потом Верхней Прерией), исполнилось десять лет. В десять, пуская в ход кулаки, зубы, башмаки с медными носами и собственную злость, он добился права называться своим настоящим именем — Дирком де Йонгом. Временами, конечно, старое прозвище срывалось у кого-нибудь с языка, но парочка тумачков обидчику заставляла того умолкнуть. Хуже всего дело обстояло с матерью, которая как раз и придумала прозвище. Услышав ее оговорку, он, конечно, не применял школьную тактику. Вместо этого он мрачнел, смотрел на нее волком и отказывался отвечать, хотя ласковый голос, когда она называла его «Большущий», разжалобил бы любого, но только не жестокосердного мальчишку десяти лет.

Возникло это прозвище из дурацкого вопроса, который то и дело взрослые задают малышам в самые первые годы их жизни и на который те на редкость терпеливо отвечают.

Деловито снуя по кухне от корыта со стиркой до доски для раскатки теста и от печки к столу или же выпрямляя

затекшую спину на полях овощной фермы, чтобы хоть минутку отдохнуть от прополки густо посаженных грядок моркови, репы, шпината и свеклы, Селина де Йонг то и дело вытирала капельки пота с носа и лба, быстро ткнувшись головой в согнутый локоть. Ее большие прекрасные карие глаза следили за ребенком, ерзавшим на куче пустых мешков из-под картофеля. А один такой мешок и вовсе служил мальчику одеждой. Малыш постоянно слезал с родной мешковины, чтобы покопаться в жирном и теплом черноземе. У Селины де Йонг никогда не хватало времени для выражения материнской любви. То одно спешное дело, то другое. Вы видели молодую женщину в голубеньком ситцевом платье, полинялом и испачканном землей. Ее сведенные брови говорили о человеке, который вечно куда-то спешит. Темные густые волосы были для удобства закручены узлом, из которого постоянно выбивались пряди, иногда свисая петлями. Их она заправляла обратно все тем же поспешным жестом — проведя головой по согнутой в локте руке. Из-за работы на ферме ладони у нее стали шершавыми, земля въелась в кожу. Рядом с нею сидел ребенок с виду двух лет, чумазый, загорелый и вечно весь в шишках, укусах, царапинах и синяках, столь обычных для любого ребенка на ферме, чья мать не успевает приглядывать за ним из-за неотложной работы. И все же в тот момент, когда женщина смотрела на сына теплым и влажным весенним днем на земле иллинойсских прерий или в тесной кухоньке фермерского дома, между ними, как и в окружающем воздухе, возникала некая трепещущая аура, особая теплота, которая придавала таинственную красоту и сияние им обоим и всему вокруг.

— Ты уже большой, мой мальчик? — спрашивала Селина, даже не вникая в смысл своих слов. — А какой ты большой?

Ребенок сразу же переставал копать пухлыми пальчиками в жирном черноземе, улыбался, обнажив десны, хотя, надо признаться, несколько заученной улыбкой, и широко разводил в стороны руки. Мать тоже раскидывала руки широко-широко. Потом они говорили хором, он — ротиком, похожим на сморщенный лепесток, а она дрожащими от нежности и счастья губами: «Вот тако-о-ой большо-о-ой!» Их голоса дружно тянули гласные. Это походило на игру. Мальчик так привык к материнскому вопросу, что иногда, когда Селина вдруг оборачивалась к нему посреди какого-нибудь дела, он воспринимал это как знак и даже без традиционного вопроса по заведенному обычаю, не задумываясь, выдавал свое: «Вот тако-о-ой больш-о-ой!» Потом запрокидывал голову и радостно смеялся, открыв коралловый рот. Она подбегала к нему, хватала и прятала разрумянившееся лицо в теплых, влажных складках его шеи, делая вид, что хочет мальчишку съесть.

— Большущий!

Но, конечно, он вовсе не был таким уж большим. Если на то пошло, он так и не вырос больше широко раскинутых рук ее любви и воображения. Вы могли бы подумать, что мать была довольна, когда позднее он стал тем Дирком де Йонгом, чье имя было вытиснено в верхней части тяжелых кремовых листов бумаги с отделкой под полотно, такой дорогой, плотной и прочной, что, казалось, ее накрахмалили и отутюжили каким-то дорогостоящим американским способом; чьи костюмы шил на заказ Питер Пил, английский портной; чей автомобиль с открытым верхом имел французскую ходовую часть; в чьем встроенном баре стояли ароматный итальянский вермут и испанский херес; чьи нужды обеспечивались слугой-японцем и чья жизнь, коротко говоря, представляла собой жизнь процветающего гражданина республики. Ничего подобного.

Она испытывала не только недовольство, но даже раскаяние и негодование, словно она, Селина де Йонг, торговка овощами, отчасти была виновата в этом успехе, а отчасти обманута им.

В те годы, когда Селину де Йонг еще звали Селина Пик, она жила с отцом в Чикаго. Но ей довелось жить и во многих других городах. В Денвере во время бурных 1880-х. В Нью-Йорке, когда ей было двенадцать. В Милуоки совсем недолго. Был даже эпизод с Сан-Франциско, который остался в памяти Селины урывками и закончился таким поспешным отъездом, что удивил даже ее, приучившуюся без лишних вопросов мириться с внезапными переменами места жительства. «Одно дельце, — всегда объяснял отец. — Одно маленькое дельце». И только в день смерти отца она узнала, насколько слово «дельце» и правда объясняло то, чем он занимался. Симеон Пик, колесивший по стране с маленькой дочерью, был профессиональным игроком и по роду деятельности, и по темпераменту, и по природным склонностям. Если ему везло, они жили по-королевски, останавливались в лучших гостиницах, ели какие-то необыкновенные и вкусные блюда из морепродуктов, ходили в театр, ездили в нанятых экипажах (непременно запряженных парой; когда у Симеона Пика не хватало денег на такой экипаж, он ходил пешком). А если фортуна от него отворачивалась, они жили в дешевых пансионах, ели, что им давали, и носили одежду, оставшуюся со времен, когда фортуна была к ним благосклонна. И все это время Селина посещала школы — плохие, хорошие, частные, государственные — с поразительной регулярностью, если учесть ее кочевую жизнь. Пышногрудые матери семейств, увидев эту серьезную темноглазую девчушку, одиноко сидевшую в вестибюле отеля или в гостиной пансиона, заботливо наклонялись к ней с вопросом:

— Где же твоя мама, детка?

— Она умерла, — вежливо и сдержанно отвечала Селина.

— Ах, бедняжка! — восклицали они и добавляли в порыве нежности: — Не хочешь ли пойти поиграть с моей доченькой? Она очень любит играть с девочками. М-м-м?

Последнее «м-м-м» звучало мурлыкающе ласково.

— Нет, большое спасибо. Я жду папу. Он расстроится, если меня не застанет.

Эти добродетельные дамы зря пытались ей сочувствовать. Селина прекрасно проводила время. Кроме трех лет, вспоминать которые для нее было все равно что перейти из теплой и светлой комнаты в мрачный ледник, жизнь ее была вольготной, интересной и разнообразной. Она принимала решения, в которых обычно умела убедить отца. Сама выбирала себе одежду. И научилась руководить родителем. Она с увлечением читала книги, которые находила в гостиных пансионках и отелях, а также в публичных библиотеках, если записаться туда позволяло время. Каждый день она на несколько часов оставалась одна. Частенько отец, волнуясь, что ей предстоит сидеть в одиночестве, приносил ей целые кипы книг, и она испытывала настоящий восторг, перекладывая и перебирая их, подобно гурману, который никак не может решить, за какое блюдо взяться. Поэтому в пятнадцать лет она уже прочитала Байрона, Джейн Остен, Диккенса, Шарлотту Бронте, Фелицию Хеманс. Не говоря о миссис Э. Д. Э. Н. Саутворт, Берте М. Клей и о той прекрасной фее, надежде судомоек и подружке читательниц у кухонной плиты, в романах которой фабричные работницы и герцоги неизбежно находили друг друга, как бифштекс и репчатый лук. Последние книги, конечно, оказались результатом образа жизни Селины: их ей давали почитать добросердечные хозяйки гостиниц, горничные и официантки на всем пути от Калифорнии до Нью-Йорка.

Самые несчастливые годы — с девяти до двенадцати лет — Селина провела со своими незамужними тетками Сарой и Эбби Пик в полутемном пуританском доме семейства Пиков в Вермонте, откуда ее отец, паршивая овца в семье, сбежал еще мальчишкой. После смерти матери Селины Симеон Пик в приступе раскаяния и по причине собственной временной несостоятельности отправил свою маленькую дочку обратно на восток, где ее приняли две его сестры, восплавав идеями прощения и христианской благотворительности. Обе женщины являли собой на редкость точный образчик старой девы из Новой Англии. Митенки, варенье, Библия, промозглая парадная зала, важная кошка, никогда не имевшая котят, образцовый порядок и запреты, касающиеся поведения маленьких девочек. От теток пахло яблоками — засохшими яблоками с гнилой сердцевинкой. Однажды Селина нашла такое яблоко в ящичке неприбранной школьной парты, понюхала, поглядела на сморщенную и увядшую розоватую кожуцу и из любопытства откусила кусочек, но тут же, совершенно забыв о приличиях, выплюнула все, что попало в рот. Внутри яблоко оказалось черным и заплесневелым.

Должно быть, что-то из своих тогдашних ощущений ей удалось передать отцу в отчаянном письме, которое, к счастью, не попало теткам на глаза. Вскоре, никого не предупредив, он приехал за ней, и, когда она увидела его, с ней единственный раз в жизни случилась истерика. Больше у нее не возникало оснований упрекать себя в подобной слабости — ни до, ни после этого случая.

Так что с двенадцати до девятнадцати лет Селина была счастлива. Они приехали в Чикаго в 1885-м, когда ей исполнилось шестнадцать. И остались там. Селина начала ходить в элитную школу для молодых девушек мисс Фистер. Когда отец привел туда дочь, в груди мисс Фистер что-то затрепетало — мужчина разговаривал с ней так

ласково, казался таким нежным и грустным и так пленительно улыбался! Он объяснил, что занимается инвестициями. Акции и все такое прочее. Вдовец. Мисс Фистер сказала, что она все понимает.

Мистер Пик был совершенно не похож на профессионального игрока. Широкополая, надвинутая на глаза шляпа, шикарные усы, огонек в глазах, слишком блестящие ботинки, яркий галстук — ничего этого не было в наружности Симеона Пика. Правда, на рубашке все-таки красовалась заколка с бриллиантом чистейшей воды, и шляпу он надевал слегка набок. Но в те времена и то и другое было модно и встречалось довольно часто. Остальное же выдавало в нем мужчину спокойного и обходительного. Он был стройного телосложения, может быть, несколько застенчив и немногословен, однако если вступал в разговор, то говорил в типичной манере жителя Новой Англии, что совсем неудивительно для уроженца Вермонта.

Чикаго кормил его. Город рос и процветал. Каждый день отца Селины видели среди красного плюша и зеркал игорного дома Джеффа Хэнкинса, а также у Майка Макдональда — оба заведения располагались на Кларк-стрит. Иногда ему везло, иногда нет, но он всегда ухитрялся откладывать деньги на обучение дочери в школе мисс Фистер. У Симеона Пика было лицо идеального игрока в покер — невыразительное, бесстрастное и неподвижное. Когда ему везло, они ходили обедать в «Палмер-Хаус», где заказывали курицу или куропатку, густой сытный суп и гордость отеля — яблочный пирог. Официанты заботливо суетились вокруг их столика, хотя отец Селины редко с ними заговаривал и никогда не смотрел в их сторону. Селина была на вершине блаженства. Она знала лишь тех людей — девушек, — с которыми училась в школе. О мужчинах же, если не считать отца, знала не больше монахинь — даже и того меньше. Ибо обитательницы

монастырских келий, хотя бы штудировав Библию, могут немало почерпнуть оттуда о присущих мужчинам нравах и бешеных страстях. Великолепная Песнь песней Соломона многое объясняла о сексе. Впрочем, Библия не входила в число книг, случайно попадавших в руки Селине. «Геденовы братья»¹ тогда еще не вошли в силу в гостиничном мире.

В школе она подружилась с Джули Хемпель, дочерью Огаста Хемпеля, мясника с Кларк-стрит. Возможно, если вам повезло, вы и сейчас владеете хотя бы несколькими акциями фирмы «Хемпель», едите их бекон и ветчину с орешком, потому что в 1885 году чикагскому мяснику потребовалось всего-то пять лет, чтобы в 1890-м дорасти до экспортера мясных продуктов.

Привычка подолгу оставаться одной развила в Селине умение фантазировать. Ей легко было представить себя хорошенькой Маркизой Дика Свивеллера² или Сарой Кру³. Уже в детстве она получала от жизни двойное удовольствие, которое обычно доступно лишь творческим натурам. «Теперь я делаю вот это. А теперь вот это», — говорила она себе, чем-нибудь занявшись. И смотрела на свои действия со стороны. Возможно, тут не обошлось без театра. В том возрасте, когда маленьких девочек бывает не только не слышно, но и не видно, она, совсем как взрослая, гордо восседала рядом с отцом и смотрела пьесу с восторженным лицом и горящими глазами. Симеон Пик, сам игрок, любил театр, ведь и у него имелись актерские качества, необходимые для успеха в избранной профессии.

¹ Евангелическая христианская ассоциация США, занимающаяся распространением бесплатных экземпляров Библии. Основана в 1899 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Герои романа Ч. Диккенса «Лавка древностей».

³ Героиня романа Ф. Бёрнетт «Маленькая принцесса».

Поэтому Селина, еле видная из-за спинки глубокого кресла в первых рядах партера, так и ерзала, с восторгом ожидая, когда же поднимется занавес и перед ней предстанут ряды немислимых чернокожих певцов из шоу Джека Хаверли. Она плакала (на пару с Симеоном) над страданиями «Двух сирот», когда в Чикаго приехали Китти Бланшар и Макки Рэнкин с труппой Театра на Юнион-сквер. Перед ее глазами развернулся потрясающий новый спектакль — еврейская пьеса под названием «Сэмюэль из Позена». Она видела Фанни Давенпорт в «Обиде». Симеон даже водил ее на новомодное представление-буфф — удивительное, роскошное шоу. И пышная красотка в трико и блестящих, спускавшаяся по длинной лестнице, казалась Селине самым прекрасным существом на свете.

— Больше всего в пьесах и книжках мне нравится, что там может произойти что угодно. Ну просто что угодно! Никогда не знаешь, чего ждать, — как-то раз сказала Селина после такого вечера.

— Как и в жизни, — уверил ее отец. — Ты даже представления не имеешь, что может с тобой случиться, если, не напрягаясь, принимать жизнь такой, какая она есть.

Любопытно, что Симеон Пик сказал это не по причине собственного невежества, а продуманно и намеренно. Он был по-своему очень современным родителем.

— Я хочу, чтобы ты многое увидела, — говорил он ей. — Хочу, чтобы ты поняла, что все это — одно большое приключение. Прекрасное шоу. Фокус в том, чтобы играть в нем и в то же время смотреть на него со стороны.

— Что значит «все это»?

— Жизнь. Все, что в ней намешано. Чем больше разных людей ты встретишь, чем больше совершишь поступков, чем больше произойдет с тобой всяких историй, тем богаче ты станешь. Даже если не всегда получишь удоволь-

ствии. Такова жизнь. Запомни: не важно, что случается — хорошее ли, плохое ли, все равно, — тут он использовал выражение из игорного арсенала, — это будет неплохой прикуп.

Но Селина догадалась, о чем речь.

— Ты хочешь сказать, что нет ничего хуже, чем быть тетушкой Сарой или тетушкой Эбби.

— Пожалуй... да. На свете есть два типа людей, которые что-то значат. Одни — «хлеб», другие — «изумруд».

— Фанни Давенпорт — это «изумруд», — быстро сказала Селина и сама удивилась своим словам.

— Вот именно.

— А отец Джули Хемпель — «хлеб».

— Ей-богу, Сели, — воскликнул Симеон Пик, — твой котелок неплохо варит!

Прочитав «Гордость и предубеждение», Селина решила стать Джейн Остен своего времени. Она напустила на себя таинственный вид и некоторое время вызывала раздражение одноклассниц тем, что смутно намекала на некую «работу», противно улыбалась себе под нос и задумчиво постукивала туфелькой, словно ее посещали видения, слишком изысканные для понимания простых смертных. Ничего удивительного, что ее подружка Джули Хемпель разозлилась на такое поведение Селины и дала понять, что той следует выбирать: либо раскрыть свою тайну, либо быть навсегда изгнанной из сердца Хемпель. Тогда по требованию Селины Джули поклялась сохранить ее секрет.

— Что ж, хорошо. Теперь я тебе скажу. Я собираюсь стать писательницей.

Джули была явно разочарована, однако с деланным восторгом воскликнула:

— Селина! — но потом добавила: — И все же не знаю, зачем тебе понадобилось так темнить.